

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

ПЛЕННЫЙ ДУХ

Очерки о современниках

ПАЛМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 3

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6
Ц27

Цветаева М.

Ц27 Пленный дух : Очерки о современниках / Марина Цветаева. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 381 с. — (Серия «Воспоминания о писателях»).

ISBN 978-5-517-08695-2

Сборник «Пленный дух» — серия портретов современников, созданных Мариной Цветаевой. Шесть писателей и поэтов — Осип Мандельштам, Максимилиан Волошин, Андрей Белый, Валерий Брюсов, Константин Бальмонт, Михаил Кузмин — предстают перед читателями такими, какими их знала Цветаева.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-08695-2

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

Поэт — издалека заводит речь.

Поэта — далеко заводит речь.

Планетами, приметами, окольных
Притч рытвинами... Между да и нет
Он, даже разлетевшись с колокольни,
Крюк выморочит... Ибо путь комет —

Поэтов путь. Развеянные звенья
Причинности — вот связь его! Кверху лбом —
Отчаяться! Поэтовы затмения
Не предугаданы календарем.

Он тот, кто смешивает карты,
Обманывает вес и счет,
Он тот, кто *спрашивает* с парты,
Кто Канта *наголову* бьет,

Кто в каменном гробу Бастилий
Как дерево в своей красе.
Тот, чьи следы — всегда простыли,
Тот поезд, на который все
Опаздывают...

— ибо путь комет

Поэтов путь: жжя, а не согревая,
Рвя, а не возвращая — взрыв и взлом, —
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарем!

8 апреля 1923

ГЕРОЙ ТРУДА

(Записи о Валерии Брюсове)

Часть первая

ПОЭТ

И с тайным восторгом гляжу я в лицо врагу.

Бальмонт

I

<ПОЭТ>

Стихи Брюсова я любила с 16 л<ет> по 17 л<ет> — страстной и краткой любовью. В Брюсове я ухитрилась любить самое небрюсовское, то, чего он был так до дна, до тла лишен — песню, песенное начало. Больше же стихов его — и эта любовь живет и поныне — его «Огненного Ангела», тогда — и в замысле и в исполнении, нынче только в замысле и в воспоминании, «Огненного Ангела» — в неосуществлении. Помню, однако, что уже тогда, 16-ти лет, меня хлестнуло на какой-то из патетических страниц слово «интересный», рыночное и расценочное, немислимое ни в веке Ренаты, ни в повествовании об Ангеле, ни в общей патетике вещи. Мастер — и такой промах! Да, ибо мастерство — не всё. Нужен слух. Его не было у Брюсова.

Антимузыкальность Брюсова, вопреки внешней (местной) музыкальности целого ряда стихотворений — антимузыкальность сущности, сушь, отсутствие реки. Вспоминаю слово недавно скончавшейся

своеобразной и глубокой поэтессы Аделаиды Герцук о Максе Волошине и мне, тогда 17-летней: «В вас больше реки, чем берегов, в нем — берегов, чем реки». Брюсов же был сплошным берегом, гранитным. Сопровождающий и сдерживающий (в пределах города) городской береговой гранит — вот взаимоотношение Брюсова с современной ему живой рекой поэзии. За-городом набережная теряет власть. Так, не предотвратил ни окраинного Маяковского, ни ржаного Есенина, ни героя своей последней и жесточайшей ревности — небывалого, как первый день творения, Пастернака. Все же, что город, кабинет, цех, если не иссякло от него, то приняло его очертания.

Вслушиваясь в неумолчное слово Гёте: «In der Beschränkung zeigt sich erst der Meister»¹ — слово, направленное на преодоление в себе безмерности (колыбели всякого творчества и, именно как колыбель, преодоленной быть долженствующей), нужно сказать, что в этом смысле Брюсову нечего было преодолевать: он родился ограниченным. Безграничность преодолевается границей, преодолеть же в себе *границы* никому не дано. Брюсов был бы мастером в гётевском смысле слова только, если бы преодолел в себе природную границу, раздвинул, а может быть, и — разбил себя. Брюсов, в ответ на Моисеев жезл, немотствовал. Он остался *invulnérable*² (во всем объеме непереводаемо), вне лирического потока. Но, утверждаю, матерьялом его был гранит, а не картон.

¹ Мастер сказывается прежде всего в ограничении (нем.).

² Непроницаем (фр.).

(Гётевское слово — охрана от демонов: может быть, самой крайней, тайной, безнадежной страсти Брюсова.)

Брюсов был римлянином. Только в таком подходе — разгадка и справедливость. За его спиной, явственно, Капитолий, а не Олимп. Боги его никогда не вмешивались в Троянские бои, — вспомните раненую Афродиту! молящую Фетиду! омраченного — неминуемой гибелью Ахилла — Зевеса. Брюсовские боги высились и восседали, окончательно покончившие с заоблачьем и осевшие на земле боги. Но, настаиваю, матерьялом их был мрамор, а не гипс.

Не хочу лжи о Брюсове, не хочу посмертного лягания Брюсова. Брюсов не был *quantité négligeable*¹, еще меньше *gualité*². По рождению русский целиком, он являет собою загадку. Такого второго случая в русской лирике не было: застегнутый наглухо поэт. Тютчев? Но это — в жизни: в черновике, в подстрочнике лиры. Брюсов же именно в творении своем был застегнут (а не забит ли?) наглухо, забронирован без возможности прорыва. Какой же это росс? И какой же это поэт? Русский — достоверно, поэт — достоверно тоже: в пределах воли человеческой — поэт. Поэт предела. Есть такие дома, первые, когда подъезжаешь к большому городу: многоокие (многооконные), но — слепые какие-то, с полной немислимостью в них жизни. Казенные (и, уже лирически),

¹ Незначительная величина (фр.).

² Качество (фр.).

казненные. Таким домом мне мерещится творчество Брюсова. А в высших его достижениях гранитным коридором, выход которого — тупик.

Брюсов: поэт входов без выходов.

Чтобы не звучало голословно, читатель, проверь: хотелось ли тебе хоть раз продлить стихотворение Брюсова? (Гётевское: «*Verweile doch! du bist so schön!*»¹) Было ли у тебя хоть раз чувство оборванности (вел и бросил!), разверзлась ли хоть раз на неучтимость сердечного обмирания за строками — страна, куда стихи только ход: в самой дальней дали — на самую дальную даль — распахнутые врата. Душу, как Музыка, срывал тебе Брюсов? («*Всё? Уже?*») Душа, как после музыки, взмалчивалась к Брюсову: «*Уже? Еще!*» Выходил ли ты хоть раз из этой встречи — неудовлетворенным?

Нет, Брюсов удовлетворяет вполне, дает всё и ровно то, что обещал, из его книги выходишь, как из выгодной сделки (показательно: с другими поэтами — книга ушла, ты вслед, с Брюсовым: ты ушел, книга — осталась) — и, если чего-нибудь не хватает, то именно — неудовлетворенности.

Под каждым стихотворением Брюсова невидимо проставленное «конец». Брюсов, для цельности, должен был бы проставлять его и графически (типографически).

Творение Брюсова больше творца. На первый взгляд — лестно, на второй — грустно. Творец, это все завтрашние творения, всё Будущее, вся неизбыв-

¹ Остановись! Ты так прекрасно! (нем.)